

ДИСКУССИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ
(междисциплинарный семинар)

13 декабря 2008 г. в Воронежском университете состоялся междисциплинарный семинар, организованный кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ, кафедрой онтологии и теории познания ВГУ, кафедрой общей и социальной психологии ВГУ, Воронежской психолингвистической ассоциацией, Центром коммуникативных исследований ВГУ.

На семинаре обсуждались проблемы, которые возникли на современном этапе развития когнитивных исследований и требуют теоретического решения.

Руководитель семинара — доктор филологических наук, профессор И. А. Стернин.

Предлагаем сокращенную стенограмму семинара, включающую наиболее интересные моменты, которые активно обсуждались.

А. С. Кравец

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА
(вступительное слово к дискуссии)

Проблема семинара поставлена очень широко, и это дает возможность включиться в обсуждение всем участникам семинара со своим видением этой проблемы. Я хочу посвятить свое выступление проблеме смысла.

В чисто лингвистическом дискурсе проблема смысла не очень определена. Этим занимаются лексикология, семасиология, семантика. Мне кажется, это различные срезы одной и той же проблемы. Проблема смысла похожа на проблему человека: ею занимаются в разных аспектах.

Проблема смысла поставлена у Августина Блаженного, уже в античности у Аристотеля есть проблема толкования. Нет ничего древнее и нет ничего универсальнее, чем смысл. Вместе с рождением *homo sapiens* возникает смысловая деятельность, и одно определяется через другое.

Нет смысла вне человека. И по этой проблеме велись споры. Возможно, лингвистику это не интересует, а вот психологов и философов это касается. Есть книга Дмитрия Леонтьева, где изложена четкая точка зрения: есть смысл в мире, в голове человека и есть психология смысла как форма. То есть смысл может быть и вне человека, так считает современная психология. Также есть разные точки зрения о форме бытия смысла.

Существует ряд работ, посвященных проблеме смысла. Я ничего не изобрел в области дефинирования смысла, но лишь присоединился к определенной точке зрения. Это точка зрения, выраженная в аналитической философии.

Одним из первых, кто наиболее четко ее выразил, был Фреге, далее Рассел, Витгенштейн. Не все присоединяются к их взглядам. Не столь давно существовала точка зрения, что аналитическая философия второсортна и вообще философией не является.

В самой лингвистике существуют три исторические парадигмы исследования смысла. Они сменяли друг друга и взаимосвязаны.

Первая — словоцентристская парадигма, которая тесно связана с лексикологией: обнаружение нескольких лексических вариантов употребления смысла, многообразие смысла.

Лев Семёнович Выготский выдвинул те же понятия, что выдвинуты в концептологии в другом виде. Выготский разграничил категории значения и смысла. Значение — это типовая, ядерная сема слова, то, что представлено в общественном сознании, а смысл — личностен. Смысл — это все коннотации значения в личностной деятельности индивида. В частности: понимают по-разному слово *война* лингвисты и участники войны. Сам Лев Семёнович считал, что значение и смысл — это одни и те же сущности. Только значение — это ядерные смыслы.

Такова словоцентристская парадигма изучения категории смысла.

Постепенно сформировалась пропозициональная концепция смысла. Так, у Аристотеля смысл — это мысль, мысль о чем-то. Витгенштейн говорил, что наша картина мира состоит не из вещей, а из высказываний. Смысл в языке — в самом широком понимании этого слова — изменяем. Вот положение, к которому я присоединяюсь: смысл изменчив, он формируется в употреблении слов.

Для философов «патетического» плана смысл — это что-то божественное, ради него можно отдать жизнь. Для анализа научного совершенно безразлично, принижен ли смысл, возвышен ли он.

Возвращаясь к работе Дмитрия Леонтьева, хочу отметить, что он сделал громадный обзор зарубежной литературы. И он приходит к весьма тривиальному пониманию смысла: смысл — это значимость. Соссюр тоже говорил, что смысл — это некая значимость, и тут же подчеркивал, что в языке всё значимо. Классическая наука о смысле — это семантика, а синтаксис наукой о смысле не является. Сегодня таких разграничений никто уже не вводит.

Смысл — это очень сложная, самоорганизующаяся система. Законы ее организации изучают филологи. Возникает пересечение двух рядов организации смысла: синтагматический ряд, последовательный, и парадигматический ряд. Если нарушаются эти соотношения, возникает некая девиантность: шизофрения и т.п.

Тут очень важно сказать об элементарном смысле, о единице смысла, потому что иначе мы придем к мысли о том, что всё вокруг

смысл, текст — это смысл. Согласно лотмановской школе — вся культура есть смысл, и т.п.

Что существенно нового в современной теории смысла — это теория речевых актов. В частности, работы Сёрля. От грамматического предложения исследователи перешли к высказыванию, т.е. предложению в речи. Где высказывания обрастают смыслами? В общении.

Смысл — основа человеческой разумной жизни. Первой формой обмена — товар на деньги, деньги на товар — был обмен смыслами. Человек не может жить, как Робинзон на необитаемом острове, он формируется в обществе. Теория речевых актов позволяет увидеть, что смысл может быть манифестируемым и неманифестируемым. Во фразе «во дворе злая собака» есть скрытое предупреждение. Оказалось, что в речи всегда есть мотивация, есть намерение: воздействовать, сообщить, доказать.

Смысл — продуманная мысль человека, т.е. имеет мотивацию. В этом смысл похож на деятельность, он базируется на отборе (например, мне в этой аудитории приходится подбирать общепонятные слова), формирование смысла — это общественная деятельность.

Такова третья парадигма исследования смысла.

Язык специально приспособлен, он рос и развивался для выражения смысла. Если хотите выявить все тонкости смысла, нужно изучать именно языковую коммуникацию.

По мысли Д. Леонтьева, пора покончить с интеллектуализмом в изучении смысла. Смысл — это некая значимость. Например, почему я гвоздь забиваю? Это значимо для меня. И не стоит здесь привлекать лингвистику. Сторонники таких идей приходят к выводу: есть и биологический смысл. И у червяка тоже есть смысл: он вылезает из снега, и это значимая для него деятельность. То есть эта интеллектуальная лесенка привела ученых вниз. Они лишили смысл смысла.

Шюц решал проблему взаимопонимания: как я могу понять смысл другого? Лесоруб валит лес. Смысл есть? Шюц различил, что есть смысл, который интерпретирует наблюдатель. У лесоруба-де есть собственный смысл, но он для наблюдателя всегда загадка. Однако есть смысл манифестированный, но даже его мы интерпретируем. А есть неманифестированный смысл: а для чего совершается то или иное действие? Это перекликается с теорией речевых актов: есть намерения деятельности, они скрыты.

После этого в литературе начался бум: возникла целая теория последователей Шюца — символический интеракционизм. То есть мы наблюдаем объединение теории речевых актов и теории деятельности. Структура речевого акта деятельностьная: мотивация, обдумывание альтернатив действия и т.п.

Все изложенные выше определения смысла нужно дополнить одной тавтологией: смысл есть всегда результат осмысления, это нечто осмысленное. Как только вы слово *осмысленное* убираете, вы дойдете до червя.

Дискуссия

Стернин И. А.:

— Если идея объективирована, тогда можно говорить о смысле?

Кравец А. С.:

— Скорее смысл манифестирован в чём-то, в форме выражения. Но может оставаться и неманифестированным.

Вахтель Н. М.:

— Что можно назвать единицей смысла? Сему?

Кравец А. С.:

— Есть концепты, но вспомним Витгенштейна, они изменяются. По большому счету, любой смысл — личностный. В культуре что-то отсеивается, не проходит. Слова и семы — это осколки смысла. Но назвать их единицей сложно. Сема в аэроплане: безмоторный — обязательный смысл? Сем-то по сути нет: человек мыслит слитно. Семы нужны лингвисту, который препарирует смысл. И тем самым просто получает осколки смысла.

Стернин И. А.:

— Я полагаю, надо разграничивать существование смысла и способ его актуализации.

Кравец А. С.:

— Смысл вне человека не существует.

И. А. Стернин

О ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ ПОДХОДЕ К ЯЗЫКУ
(вступительное слово к дискуссии)

Лингвокогнитивный подход к языку исходит из следующих теоретических положений.

Мышление человека невербально, оно осуществляется на универсальном предметном коде (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов), имеющем образно-схемный характер.

Единица мышления — концепт — *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.* (Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. : Восток-Запад, 2007. — С. 34.)

Концепт существует в сознании автономно от его словесного обозначения, хотя наличие слова свидетельствует о наличии стоящего за ним концепта как мыслительной единицы.

Отсутствие лексической единицы (внутриязыковая или межъязыковая лакуна) не означает отсутствия в сознании народа соответствующе-

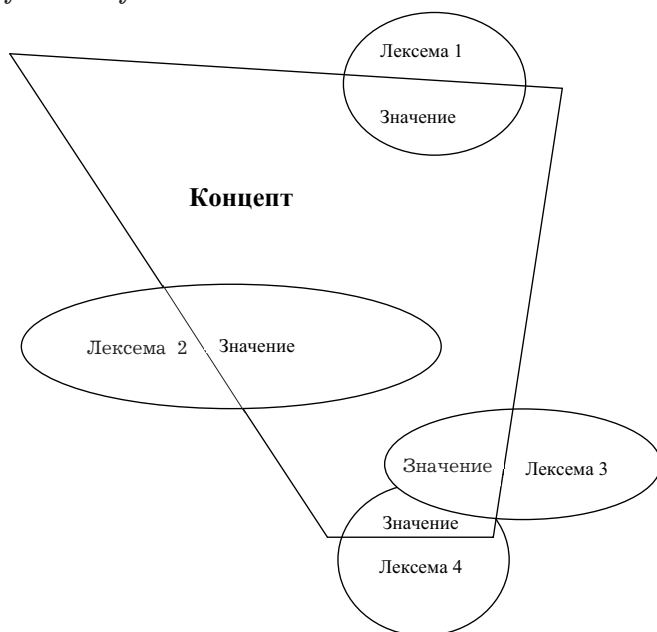
го концепта, за исключением случаев мотивированных межъязыковых лагун, обусловленных отсутствием у народа конкретных предметов или явлений (типа *балалайка*, *борц*, *форточка* у англичан).

Лексическая объективация по отношению к тому или иному концепту — вещь вовсе не обязательная. Наличие или отсутствие концепта прямо не связано с наличием или отсутствием в языке номинирующих его единиц, так как концепты возникают как результат отражения действительности сознанием и зависят поэтому от действительности, а не от языка.

В системе языка номинируется всё то, что является или становится в обществе предметом обсуждения, но вовсе не всё то, что становится предметом мышления. Таким образом, наличие концепта как единицы мышления не предполагает в обязательном порядке наличия в языке единицы, обозначающей данный концепт. Слова в языке есть для *коммуникативно релевантных* концептов — т.е. таких, которые общество считает необходимым обсуждать.

Наличие концепта в концептосфере народа и наличие языковой единицы для сообщения об этом концепте — вещи относительно самостоятельные. Наличие языковой единицы всегда свидетельствует о наличии у народа некоего концепта, но для существования концепта как ментальной единицы ее системная языковая объективация необязательна.

Совокупность слов, номинирующих концепт в языке, является *номинативным полем* концепта. Лексема как материальная оболочка слова находится «вне» концепта, а ее значение как ментальная единица — «внутри» концепта, составляя его (незначительную) часть. Можно предложить такую схему:



Изучая значения слов, номинирующих тот или иной концепт, лингвист получает возможность моделировать содержание концепта как мыслительной единицы.

Такое моделирование является *лингвокогнитивным* описанием концепта — т.е. описанием *когнитивного феномена лингвистическими* методами.

Ограниченность лингвокогнитивного описания концепта в том, что описываются только когнитивные признаки, нашедшие объективацию в языке, актуализировавшиеся в выявленных и описанных лингвистом языковых номинациях концепта, в то время как наверняка в концепте есть и неактуализированные языковыми средствами признаки. В этом случае необходимы экспериментальные психолингвистические исследования, но в любом случае лингвист описывает только *языковое* сознание человека — часть его когнитивного (общего) сознания, нашедшую объективацию в языке.

Из актуальных на сегодня проблем когнитивной лингвистики, с которыми мы сталкиваемся в процессе практических лингвокогнитивных исследований, я назвал бы как требующие теоретического решения прежде всего следующие:

- определение статуса и специфики композитивных концептов, состоящих из суммы других концептов (ср. ГРОЗА — дождь+гром+ветер+молния; СЕМЬЯ — отец+мать+дети+ближайшие родственники и под.); очевидно, такие концепты существуют и играют определенную роль в формировании единой концептосферы;

- существование близких концептов: не являются ли они вариантами одного концепта? Например, *язык, русский язык, родной язык* — для носителей русского языка как родного; возможно, это разные концепты, образующие концептуальные единства, также способствующие формированию единой концептосферы;

- есть ли ментальные единицы более высокого ранга, чем концепты? Например, когнитивные категории? На статус такой категории, например, претендует категория ОБЩЕНИЕ в русском сознании;

- разграничение значений многозначного слова и стоящих за ними концептов: язык как «мясистый орган во рту человека» и язык как «средство общения» представляют один концепт или разные? Концепт ВОЛГА — *автомобиль* и *река* относятся к одному концепту или к разным?

- какие виды номинации концепта следует использовать в его лингвокогнитивном описании моделирования?

При ответе на последний вопрос представляется возможным разграничить три типа номинации концепта:

1. Целостная или холистическая номинация — номинация предмета концептуализации именем собственным, абстрактным или родовым термином и их дериватами, метафорической перифразой, эвфемизмом и под.

Например: концепт МОСКВА — *Москва, столица, белокаменная, порт пяти морей, вотчина Лужкова, третий Рим, главный город страны.*

Может присутствовать и контекстуальная холистическая номинация: *большая деревня* и под.

Дериваты включаются в номинативное поле, но не как таковые, сами по себе, а как актуализаторы тех или иных значений слова-основы, например, для концепта *язык*:

языковой, языковедение, языкознание, языкотворчество, русскоязычный, русскоязычность, разноязычный — средство общения;

язычный — производимый языком как органом во рту человека;

язычок — небольшой размер, в др. знач. — средство общения;

язычище — большой размер;

косноязычие — манера артикуляции;

языкастый (разг.) — способность к коммуникации и т.д.

В то же время *языческий*, *язычник* не относятся к исследуемому концепту.

2. Признаковая номинация — номинация эксплицитно, вербально выраженным согласованным или несогласованным определением (а также сравнением, паремией, фразеологизмом, афоризмом), вычлняющая при этом отдельный признак предмета концептуализации.

МОСКВА — *златоглавая, слезам не верит, деньги любит, агрессивная, многолюдная, шумная, дороговизна* и т.д.

Признаковая номинация может быть представлена в словарях в виде словосочетаний-примеров, ср.: *московские цены, московское качество*, а также в различных текстах — официально-деловых, научных, публицистических, художественных, в которых обсуждается, описывается или характеризуется тот или иной концепт, т.е. сообщаются определенные сведения о предмете категоризации: *в Москве стало чисто, хорошо работают дворники, очень много банков, передовая наука, много приезжих, интенсивное строительство, дорогая жилплощадь, дорогие гостиницы, толпы людей, пробки, высотные дома, узкие переулки, ревущие машины* и под.

Признаковая номинация может быть выявлена направленным ассоциативным экспериментом с заданием типа Москва — какая?; дефиниционным экспериментом (метод субъективной дефиниции): Москва — это... и под.

Важная особенность признаковой номинации — независимо от формы ее вербального выражения актуализируется конкретный признак, который предцируется, атрибутируется исследуемому концепту, характеризует ту или иную дифференциальную черту предмета концептуализации.

3. Партитивная номинация — номинация репрезентативных, типичных, узнаваемых частей (составных элементов) предмета концептуализации, актуализирующих представление о концепте в целом, отсылающих к концепту. Например: МОСКВА — *Красная площадь, Мавзолей, Тверская, Арбат, Кремль, Москва-река, метро* и под.

Использование возможно более широкого круга лингвистических методов для описания концепта повышает объективность выполняемого лингвоконцептологического описания.

Дискуссия

Гаспаров И. Г.:

— Концепт *Москва* — это единица индивидуального сознания или что-то другое?

Стернин И. А.:

— Концепт *Москва* — это единица общественного сознания, русско-го национального сознания. Но в индивидуальном сознании слово *Москва* может называть и реку, и ресторан, и гостиницу — другие концепты.

Полубоярин С. В.:

— Существует проблема соотношения многозначности слова и концепта. Мы проводили ассоциативный эксперимент с жителями Борисоглебска. В ряду слов-стимулов были гидронимы — наименования рек. На слово *Волга* некоторые испытуемые давали ассоциации *машина*, *ГАЗ 31-10* и тому подобные, на *Ворону* не только реакции *течет*, *река*, но и *птица*. На слово-стимул *Дон* была получена реакция *ресторан*, причем такого типа реакций около десяти процентов. Мы их рассматривали как реакции, связанные с другими концептами.

Розенфельд М. Я.:

— При интерпретации результатов эксперимента (в частности, по концепту *Москва*) как отличить, исследуется ли концептосфера народа или индивидуальное сознание интерпретатора?

Стернин И. А.:

— Это сложный вопрос, который всегда возникает, если проводится экспериментальное исследование. Как проинтерпретировать результаты эксперимента объективно? Возможно, к объективности здесь приблизит научное обсуждение: если научное сообщество считает допустимой ту или иную интерпретацию результатов эксперимента, то ее следует принять. Экспериментальные исследования позволяют объективировать полученные данные, но имеют свой недостаток: их результат зависит от того, кто принял участие в эксперименте, где он живет, кто полученные результаты интерпретирует. С моей точки зрения, это не компрометирует метод, но показывает, что результаты эксперимента зависят от аудитории, где он проводился, и многих других переменных. Это неустранимый дефект любой экспериментальной методики — эксперимент всегда проводится на ограниченном материале, а выводы распространяются на явление в целом. Но всегда можно проверить результаты эксперимента новым, другим экспериментом, на другом материале.

Розенфельд М. Я.:

— Иосиф Абрамович, что дает лингвистике введение категории концепта? Ведь уже существуют категории индивидуальное (психологически реальное) значение в психолингвистике, пропозиция в синтаксисе и т.п. Не избыточно ли введение понятия концепта?

Стернин И. А.:

— Термин используется в современной когнитивной лингвистике в двух функциях.

Во-первых, для отграничения материала исследования. Например, в ВГУ защищалась диссертация «Концепт *город* в творчестве О. Мандельштама». Это значит: исследуется, что Мандельштам в своих произведениях сказал о городе. Сам концепт в таком случае можно не реконструировать.

Второе понимание концепта — это ментальная единица, и в процессе лингвокогнитивного исследования при помощи лингвистических методов проводится реконструкция единицы индивидуального, группового сознания. Такого типа исследования до появления когнитивной лингвистики не проводились.

Еще концепт целесообразно изучать потому, что исследования такого типа проливают свет на соотношение значения слова, отраженного в словаре, и реально присутствующего в индивидуальном сознании. В сознании значение слова всегда представлено обширнее. Давно в лингвистике практикуется выделение потенциальных, периферийных сем, которые не находят своего отражения в словарях. Периферийный компонент как раз извлекается из концепта. Проиллюстрирую сказанное на примере: *она не донесет чемодан, она же женщина*. Какая тут сема выходит на первый план? *Слабая*. Эта сема не отражена в словарях. Есть ли эта сема в значении слова *женщина*? Есть.

Бабушкин А. П.:

— А как же словосочетание *слабый пол*?

Стернин И. А.:

— Это другое наименование явления. Концепт *женщина* можно назвать: *женщина, дама, слабый пол, баба, капризный пол*. Здесь огромное количество различных вариантов номинации. Каждое наименование отражает какой-либо признак концепта. Эти признаки «берутся» из энциклопедического знания. Они не в значении слова, но в концепте. Однако актуализируются использованием специального слова или словосочетания. При необходимости мы развернем такой контекст, чтобы собеседнику было понятно, что мы имеем в виду, какой концептуальный признак важен в наличной ситуации общения.

Топорова В. М.:

— Концепт может обозначать что-то?

Стернин И. А.:

— Концепт может обозначаться. Так, если обратиться к примеру, приведенному в сообщении, то слово *белокаменная* мы можем рассматривать как номинацию концепта *Москва*. Пример с концептом *Москва* интересен, потому что это уникальный концепт. А если мы возьмем, например, концепты *человек, язык* и проч., то они будут структурироваться по-иному. Так, мы в свое время исследовали концепты *русский язык* и *язык*, рассматривая их как отдельные концепты. А потом выяснилось, что у них очень большое сходство. Это такое соединение концептов, когда их трудно разграничить: концепты перетекают один в другой.

Топорова В. М.:

— Очень интересно рассмотреть слова, номинирующие тот или иной концепт, в их метафорическом употреблении.

Стернин И. А.:

— Вы полагаете, что если перед нами сложная концептуальная организация, то среди номинативных единиц будет много слов в метафорическом употреблении?

Топорова В. М.:

— Да, такая закономерность выявляется. Так, например, эта особенность иллюстрируется при рассмотрении концептов, относящихся к группе «времена года» или «страны света». Концепты *запад* и *восток* имеют в индивидуальном сознании совершенно иную маркировку, нежели просто семантика стран света. Можно ли тогда еще говорить, что есть надъязыковой смысл? Вышеназванные примеры доказывают, что он есть. Эту проблему хотелось бы исследовать в дальнейшем.

А. П. Бабушкин

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ

Опредмечивание действительности происходит на уровне концептов. Я остановлюсь на типах концептов. Поскольку действительность и предметы материального мира разные, то и концепты разнятся по своему характеру. Разработанная нами типология концептов может расширяться и не ограничивается теми мыслительными картинками, фреймами, сценариями, схемами, калейдоскопическими концептами, о которых мы когда-то писали. Тип концепта определяется по семному составу семы на основе ее лексикографического толкования.

Как и концепт *Москва*, о котором шла речь в докладе Иосифа Абрамовича Стернина, любой концепт есть нечто обобщающее. Это обобщение всех словарных толкований, доступных исследователю (в одном словаре присутствует одно словарное определение, по семам которого мы определяем тип концепта, в другом словаре эта же лексема толкуется иначе).

Мы имеем мыслительную картинку, равную представлению; пространственные семы, объемные, контурные формируют концепт-схему (например, концепт *дерево*); архисема формирует концепт-фрейм; концепт-сценарий формируется семой действия, развития (например, *драка*); калейдоскопические концепты — те, которые «как бы могут быть составлены из нескольких». Это, в частности, концепты, названные абстрактными именами. Например, *время* — это корабль (как бы концепт-картинка); ткань, из которой сделана жизнь (это уже схема); время «роет нас, как землекоп почву» — сценарий и т.п.

Однако сегодня мы говорим не о том, что уже известно, а ставим проблемы, которые трудны для мгновенного понимания.

Есть в моей типологии такое понятие, как *понятие*. Мною эта сущность определяется как логически конструируемый концепт, который равен своему словарному определению. В этом и заключается сложность: можно ли понятие встраивать в приведенную выше систему концептов или это суть нечто иное, чем концепт. Мне кажется, что эта проблема может развиваться и находить свое решение.

Существуют не только концепты, которые объективируются моновербальными средствами, но можно говорить и о фразеологических концептах. Там тоже есть картинки (*шапка Мономаха*), схемы (*густо по колену*), фреймы, сценарии (*строить глазки*).

Мне кажется, что в предложенной типологии не всё еще доработано, основной вопрос, который меня сегодня беспокоит, — это вопрос о соотношении понятия и концепта.

Дискуссия

Манаенков В. П.:

— И как Вы этот вопрос для себя решаете?

Бабушкин А. П.:

— Понятие — это логико-конструируемый концепт, т.е. такой, где нет чувственного образа. Хотя и здесь налицо проблема. Если учесть идею Н. И. Жинкина об УПК, то можно предположить, что некие начатки чувственности будут даже в том случае, если за словесной оболочкой стоит нечто безобразное. На том этапе, когда я работал над типологией концептов, я посчитал, что понятие встраивается в эту структуру как логически конструируемый концепт, но теперь сам стал сомневаться в этой идее. Даже словосочетание «понятие-концепт», известное, в частности, по работам Кубряковой, заставляет задуматься о том, что понятие шире концепта.

Слушательница:

— Михаил Бычков при постановке пушкинских Маленьких трагедий начал объективировать абстрактные идеи с помощью костюмов и прочих изобразительно-выразительных средств. Известная фраза — поверить алгебру гармонией — представлена так: выкладываются белые и черные клавиши рояля по порядку. Это иллюстрация к размышлениям о том, что есть абстракция и как она может быть чувственно представлена.

Стернин И. А.:

— То есть наглядное действие, наглядные образы все равно даже в абстрактном мышлении участвуют.

Бабушкин А. П.:

— Эта идея иллюстрируется примером в одной из книг З. Д. Поповой. Рассказывается об одном физике, который, когда писал об атомах, об атомарном движении, представлял себе вертящиеся шарики.

Кравец А. С.:

— Мне кажется, что есть совокупность, которую разорвать невозможно: есть слово в языке и есть концепт, которые все время

пересекаются. Лингвисты со своими целями все время пытаются это образование препарировать. Путь понимания концепта, который предлагает Иосиф Абрамович: концепт — ментальная единица, т.е. предмет мышления. Проблема ассоциативных экспериментов, на мой взгляд, в том, что когда мы изучаем свободные ассоциации на то или иное слово, мы с трудом себе представляем, концепт мы исследуем или язык. Язык может рождать смыслы «по поверхности», независимо от картинки.

На мой взгляд, категория смысла более «мощная», чем концепта. Если мы исследуем образы, то мы работаем с виртуальной реальностью. А если с картинкой слово не связано? Например, *толерантность*. Есть принципиально ненаблюдаемые вещи. Или корень из трех — иррациональное число. Его вообще представить невозможно. Тогда это не концепт? А смысл все равно есть.

Бабушкин А. П.:

— Я думаю, такого типа примеры — и есть концепты-понятия.

Кравец А. С.:

— По сути, разговор о концептах — это речь об индивидуальных смыслах. Не концепты мы ловим в психолингвистических экспериментах, а индивидуальный опыт носителя языка. Едва ли это предмет изучения лингвистики. То есть мы исследуем начитанность, уровень образования и т.п. испытуемых.

Я хочу сказать, в чем я вижу эвристичность категории смысла. Сложно прояснить, что первично: слово-знак или концепт. Для меня лично это не очевидно. С категорией смысла яснее: когда человек научился мыслить, ему уже не важно, стоит ли за словом картинка или нет. Даже не важно, существует ли вещь сейчас в реальности. Есть знаки, имеющие смысл, но не имеющие референта (например, *трансцендентность*: масса смыслов нанизана в культуре, а представить образно нельзя).

Стернин И. А.:

— То, что сказал А. С. Кравец, я так интерпретирую: от субъективизма исследовательской оценки никуда не деться.

Александр Самуилович все время настаивает, что концепт должен иметь языковое выражение. А я бы хотел подчеркнуть, что слово может являться поводом выделить тот или иной концепт и его исследовать. То, что выражено (устно/письменно), — знак того, что уже осмыслено. А раз осмыслено, имеет смысл это изучать, т.е. через слова идти к концептам. Слово может выступать и, как правило, и выступает сигналом существования концепта.

Гришаева Л. И.:

— Прежде всего, мы должны различать онтологию объекта и гносеологию, т.е. те качества, которые мы выявили у какого-то объекта нашего исследования, а с другой стороны — нашу интерпретацию, модели, которые мы создали. Они могут совсем не сочетаться с реальными свойствами объекта. Недавно, например, я узнала, что еще есть

антропонимические концепты, композиционные. Насколько правомерно их выделение? Как долго можно множить типы концептов? Мы должны прежде всего спросить: это сущности нашего теоретического описания или характеристики концепта?

Далее: вопрос, какими методами мы можем получить соответствующие сведения, и уже следующий аспект: как мы можем полученные данные верифицировать. И здесь надо различать концепт как ментальную сущность, способы добывания сведений об этом объекте и те теории, которые мы выстроили. Если одно не отделить от другого, то мы имеем дело с подменой одних сущностей другими (с чем сталкиваемся и в сегодняшней дискуссии).

А. С. Кравец справедливо заметил, что мы часто ментальному объекту приписываем качества, которые выявляем при изучении значений или слова как такового. Надо, чтобы было понятно, когда идет речь о ментальной единице, а когда — о нашей теоретической интерпретации. Концептов можно выделить хоть тридцать три типа, хоть три, это ничего не говорит о концепте, но лишь о состоянии нашего знания о данном объекте. Мне кажется, эту проблему следует изучать отдельно.

Манаенков В. П.:

— Мне бы хотелось очертить проблему: каково объективное (существующее независимо от человека) основание выделения концептов? Если оно произвольно, что дает термин *концептосфера*, кроме классификации? Ссылка на ментальность, национальность и прочие параметры не удовлетворяет, на мой взгляд, ею можно только прикрыться. Я считаю, что в концепте (его наименовании) должно быть отражено объективное отношение человека к действительности.

Определение концепта через признаки похоже на определение понятия через признаки. Такое определение есть признак неглубокого понятия.

Гришаева Л. В.:

— Следующий вопрос: за любым ли словом есть концепт? *Стол* и *стул* — это тоже концепты? Тогда получается, чтобы исследовать концептосферу, нам надо взять толковый словарь, классифицировать все слова по семантическому принципу — и получится описание концептосферы?

Стернин И. А.:

— Мне на данном этапе моих исследований кажется, что за каждым словом стоит определенный концепт. Но дело в том, что сами концепты — разные. Я считаю, например, что есть концепт *и* со смыслом *связность, соединение*. А вот как его проанализировать — это уже другой вопрос.

Была поставлена проблема объекта и его интерпретации, это та проблема, о которую мы спотыкаемся всё время. Вопрос к Александру Самуиловичу: смысл требует интерпретации? На мой взгляд, обязательно.

Кравец А. С.:

— Мне понравилась другая идея: когда мы разговариваем, мы сообщаем звуки, а смыслы-то слушатели навязывают свои, и, например, если есть лакуна смысловая, то адекватно сообщение никогда понято не будет.

У нас возникает путаница: референт, концепт, слово. Еще лингвисты предлагают разводить реально существующую вещь и мыслимую (референт и денотат). На мой взгляд, такое разграничение не имеет существенного значения, потому что, пока мы имеем дело с коммуникацией, вещь всегда только мыслимая (ноэма).

У меня другой вопрос: скольким концептам может соответствовать одна и та же вещь?

Инютин Влад. В.:

Есть еще одна важная проблема — как соотносятся переживание и смысл? Она требует своего решения.

Основные теоретические проблемы современной когнитивной науки, поставленные участниками семинара в выступлениях и дискуссии

А. П. Бабушкин:

Типология концептов — результат отражения в сознании многообразия мира

Можно ли понятие встроить в систему типов концептов?

Есть ли в понятии образ?

Л. И. Гришаева:

Проблема приписывания концептам свойств значений

Различение методов описания и теории

Почему у разных ученых одни и те же концепты описываются по-разному?

Важность методики верификации описания концептов

Существуют ли топонимические, антропонимические концепты?

Влад. В. Инютин:

Соотношение смысла и переживания

А. С. Кравец:

Существует ли смысл вне человека?

Соотношение личного и общенародного смысла

Лексический смысл, пропозициональный смысл, смысл в речевом акте

«Большой смысл» (например, текста) и элементы смысла

Обмен смыслами как форма существования человека

Смысл высказанный и невысказанный

Смысл как вид деятельности — с мотивом, целью и способом деятельности

Язык — полигон выращивания смыслов

Смысл как значимость для деятельности — деинтеллектуализация смысла

Референт, денотат, концепт, ноэма

И. А. Стернин:

Язык как средство доступа к сознанию человека, к его концептосфере

Значение, смысл и концепт — разные понятия

Значения передают только части концепта как ментальной единицы

Лингвокогнитивные исследования — новый этап исследования соотношения языка и мышления

Язык — средство общения, а не мышления, мышление невербально, осуществляется в универсальном предметном коде

Слова существуют для коммуникативно релевантных концептов

Концепты — результат познавательной деятельности субъекта

Есть когнитивные категории — ментальные единицы, которые крупнее концепта

Слово может служить отправной точкой выделения исследователем концепта как ментальной единицы

Многим наукам и научным направлениям понятие *концепт* необходимо просто для ограничения сферы исследования

Невыраженность смысла не говорит о его отсутствии в сознании или концептосфере

В. М. Топорова:

Существуют ли научные и бытовые концепты?

Есть ли концептуальные блоки в сознании?

Существуют ли метаконцепты?

Вопросы, вызвавшие наиболее активное обсуждение

- Все ли слова номинируют концепты?
- У специалиста и рядового носителя языка разные концепты ГРОЗА или один и тот же концепт?
- Многозначное слово номинирует единый концепт или несколько концептов?
- Что является единицей смысла?
- Как передаются смыслы в языковом общении, если они не покидают голову человека?
- Зависит ли описание ментальных единиц от исследователя, его метода, субъективизма его интерпретации, и как можно объективизировать научное описание?

По материалам семинара опубликован межвузовский сборник научных трудов: *Значение. Смысл. Концептосфера* / под ред. И. А. Стернина, А. С. Кравца. — Воронеж : Истоки, 2009. — 146 с.

И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд